

О существовании. Диалог с Пеньером

«Нечто не обладает признаком летучести, но тем не менее подпадает под понятие 'птица'». Тождественно ли это [высказыванию] «Среди того, что существует есть что-то, что не обладает признаком летучести, но тем не менее подпадает под понятие 'птица'»? Что значит 'существует'? Это означает, что нечто испытывается (нами). А не будет ли лишним добавлять, что нечто испытывается?

Нет, поскольку мы способны, произвольно комбинируя полученные из опыта представления, образовывать представления, которым в самом опыте ничего не соответствует.

Что мы имеем в предложении «А есть нечто данное в опыте»: не языковой, реальный субъект А. или представление А?

«Высказывание 'А не дано в опыте' есть отрицание-высказывания 'А дано в опыте'«. Верно? Верно, если под «А не дано в опыте» понимать «Предложение 'А дано в опыте' является ложным». Высказывание «А не дано в опыте» невозможно. Поэтому такой вопрос не имеет смысла. Так же не имеет смысла отрицать, что нечто дано в опыте. Именно поэтому мне кажется излишним говорить и о том, что нечто дано в опыте.

«Имеются (es gibt) люди» означает: «Понятию 'человек' соответствует нечто данное в опыте» или «Нечто данное в опыте подпадает под понятие 'человек'».

«Кентавров не имеется (es gibt)» означает: «Представлению, или понятию, кентавра ничего не соответствует в сфере опыта».

Здесь отрицание относится к [слову] «соответствует». Да. Оно означает, что ничто из сферы опыта не подпадает под понятие 'кентавр'.

Высказывание о том, что нечто дано в опыте, никак не определяет то, о чем оно собственно высказано. Не согласен. Между этим и прочими высказываниями есть разница.

И все же, как будто бы есть что-то избыточное в том, чтобы высказываться о данности чего-либо в опыте, поскольку это не позволяет узнать ничего нового относительно того, чему эта данность в опыте приписывается. Вы ведь объясняли, что значит сказать «имеется (es gibt)», и почему такие суждения оправданы, но не объяснили, почему не избыточно суждение «Это дано в опыте».

«Это дано в опыте» означает: «Представление такого 'это' не является ни галлюцинацией, ни моей выдумкой, а образовано в результате аффектации 'этим' моего Я».

Таким образом, Вы различаете два вида представлений?

Да; есть два вида представлений: одни, которые сотканы исключительно из [фантазий] моего Я, и другие, которые образуются на основании аффектации моего Я. Чтобы различить их, я скажу так: предметы последних принадлежат сфере опыта; первым же никакие предметы из сферы опыта не соответствуют. После всего сказанного Вами мне кажется, что в Вашем понимании реальный субъект оказывается представлением. Согласны ли Вы с тем, что во всяком материальном высказывании реальный субъект относится к одному классу и тем самым отличается от всего того, что в этот класс не попадает? С этим я согласен; однако высказывание о существовании не является материальным. И я не соглашусь с [Вами], если под словом «материальный» понимать «неочевидный», «не соответствующий чисто логическому закону».

В предложениях «Имеются люди» и «Кентавров не имеется» уже содержится классификация. Однако Вы классифицируете не вещь, которой в одном случае нет вовсе, а в другом она не включена ни в один из двух классов, но понятия 'человек' и 'кентавр', относя одно из них в класс понятий, которым нечто соответствует, и исключая из этого класса другое понятие. Поэтому-то я и считаю, что в этих предложениях понятия являются реальными субъектами. Вы могли бы словесно выразить это так: «Представление имеет такую особенность, что ему нечто соответствует». Здесь все зависит от того, что есть отрицание. Отрицание возможно только вслед за предшествующей [ему определенной] позицией. Поэтому если мы говорим «Кентавров не существует», то возможно это лишь в силу того, что мы мыслим их исключительно [находящимися] вне нас. На то, чтобы отказывать в существовании, у нас есть причина двоякого рода: 1 если нечто логически противоречиво и 2. [если противоречие] находится в самом опыте - вне понятия или представления. Таким образом, ни представление, ни понятие не являются, собственно говоря, реальным субъектом.

Этим Вы лишь указали причину, на основании которой мы выносим суждение о существовании. Подобным образом из понятия «квадратный корень из 4» можно вывести суждение вида «Имеется (es gibt) квадратный корень из 4». «Имеется (es gibt) квадратный корень из 4» не значит:

«это нечто из сферы опыта, что подпадает под понятие квадратного корня из 4», поскольку мы понимаем под данным в сфере опыта нечто очевидное, сущее для себя. Числа существуют лишь в чем-то. Поэтому такое суждение принципиально отличается от суждения «имеются (es gibt) люди». Я никогда не осажу «4 существует». И никогда: «существует квадратный корень из 4». Выражение «es gibt» употребляется здесь в другом смысле. Оно означает: 4 обладает таким свойством, что может быть образовано посредством умножения некоторого числа на себя самое, и что можно найти число, которое помноженное на себя даст в итоге 4. Мы способны вынести подобное суждение, только если раньше было образовано предложение « $2^2 = 4$ » (или « $(-2)^2 = 4$ »). И это последнее соответствует экзистенциальным суждениям типа «Имеются (es gibt) люди».

Раньше Вы говорили, что «имеется (es gibt) квадратный корень из 4» - это пример экзистенциального суждения; теперь Вы, Кажется, не причисляете его к таковым: ведь Вы отказываетесь сказать «Существует квадратный корень из 4».

«Имеется (es gibt) квадратный корень из 4»- это экзистенциальное суждение.

(к 18) Предложение «Представление об 'этом' образовано в результате аффектации 'этим' моего Я», - если его содержание вообще можно образовать законным путем, - разумеется само собой, ведь нельзя использовать выражение «представление об 'этом'». Л прежде, чем будет вынесено суждение «этому моему представлению нечто соответствует», или же выражение «это мое представление образовано в результате аффектации моего Я» прежде, чем, говорю я, не будет вынесено такое суждение. Только тогда то, что аффицирует, что соответствует моему представлению, можно назвать «этим».

«Представление об 'этом' образовано в результате аффектации 'этим' моего Я» лишь иначе выражает предложение «Этому моему представлению соответствует нечто из сферы опыта».

Ваше замечание (20) я понял следующим образом: когда Вы хотите сказать «В есть представление, которое образовано не просто изнутри Я, но на основании аффектации Я», Вы выражаетесь так: «предмет *V* испытывается». Оба выражения равнозначны. Я прав?

Вместо «*V* есть представление, которое... etc.» я сказал бы: «представление *V* будет... etc.», имея в виду, что *V* является представлением.

Я согласен, что не является само собой понятным и избыточным утверждение: «Представление *V* образуется не просто изнутри Я, но на основании аффектации Я»; ведь не всякое представление образуется на основании аффектации Я, по крайней мере, это может оказаться спорным. Отрицанием этого было бы: «Представление *V* образовано не на основании аффектации Я», если предположить, что *V* является представлением. Тогда отрицание имеет вполне определенный смысл, и в силу этого нелишне и естественно высказать даже такое предложение: «Представление *V* образовано на основании аффектации Я», или же, как Вы хотели [показать], равнозначное ему: «Предмет *V* дан в опыте». Однако, если эти выражения равнозначны, то в суждении «Отрицание предложения 'представление *V* образовано на основании аффектации Я' имеет вполне определенный смысл» на место «представление *V* образовано на основании аффектации Я» можно поставить «предмет *V* дан в опыте», и тогда получится суждение «Отрицание предложения 'предмет *V* дан в опыте' имеет вполне определенный смысл». Что противоречит Вашей прежней позиции.

Противоречие заключается не в том, чтобы считать допустимым отрицание высказывания «Предмет представления *V* дан в опыте», а наоборот, считать недопустимым отрицание высказывания «Предмет *V* дан в опыте».

Если я правильно понимаю, противоречие устраняется следующим образом: в выражении «предмет представления» 'предмет' употребляется совершенно в другом смысле, нежели в выражении «предмет A дан в опыте».

Нет. Слово 'предмет' имеет одно и то же значение, но «предмет представления» означает нечто иное по сравнению с 'предметом'.

Заключено ли простое ограничение в добавке «представления»?

'Предмет'-для-себя означает предмет, который является не просто предметом представления, но предметом опыта. В сущности говоря, они даже противоположны: предмет представления и предмет опыта.

(в связи с (26) и (27)): Число дано в опыте в другом смысле, чем Пауль.

То есть Вы различаете два смысла в выражении «дано в опыте»?

Нет. Число испытывается в едином, общем смысле. Понятие 'данности в опыте' в обоих случаях одинаково; я одинаково могу назвать испытываемым число, вещь, цвет.

Всегда ли Вы понимаете под «данным в опыте» нечто самостоятельное?

Испытывается также и то, что испытывается несамостоятельно, как, например, цвет, который воспринимается лишь на чем-то.»

Вы утверждали (26), что не станете говорить «4 существует». Вы использовали здесь слово «существовать» в том же смысле, что и «быть данным в опыте»?

Да, и [в этом смысле] я беру назад свое нежелание говорить «4 существует», «квадратный корень из 4 существует».

Отличие суждения «имеются (es gibt) люди» от суждения «имеется (es gibt) квадратный корень из 4» состоит не в этом «es gibt», но в различии понятий 'человек' и 'квадратный корень из 4'. Под 'человеком' мы понимаем нечто самостоятельное, а под 'квадратным корнем из 4' - нет.

С этим я согласен.

Справедливо ли предложение « A дано в опыте», если под A понимать представление?

Да. Представление дано в опыте.

Бывают ли представления представлений?

Представления представлений бывают.

Однажды Вы назвали представление непрочной картиной, последовательностью наглядных образов. Каковы же наглядные образы, из которых состоит представление представления A ?

Отдельные действия представления A - вот эти наглядные образы.

Равнозначно ли действие представления представлению?

Да.

То есть, мы не имеем права отличать деятельность представления от представления?

Нет, не имеем.

Из Ваших разъяснений (18) и (30) следует, что высказывание «'это' дано в опыте» равнозначно высказыванию «этому моему представлению соответствует нечто данное в опыте». Здесь 'дано в опыте' толкуется через самое себя.

И не должно быть никакого толкования. Я остаюсь при том, что всегда можно употребить выражение «представление об 'этом'». Всякое ли представление имеет свой предмет?

Да. Всякое представление необходимо имеет свой предмет. «Предмет представления»- то же самое, что «содержание представления».

Является ли содержание представления *A* тем же, что само *A*?

Нет. Картина представления- изменчивый образ. Строго говоря, картину представления следует отличать от представления. Если мы имеем картину представления, то можно не принимать во внимание ее действие.

Отличается ли предмет представления от картины представления?

Да.

Когда Вы видите Фата Моргану или когда у Вас галлюцинация, то что является тут предметом представления? (Ответа не последовало).

Вы согласны, что отрицание предложения «Предмет <представления> *B* дан в опыте» имеет определенный смысл?

Согласитесь ли Вы предмет представления *B* обозначать как *L*?

Да.

Тогда Вы должны признать, что отрицание предложения «*A* дано в опыте» имеет определенный смысл.

Да. Но в Вашем вопросе (8) *A* понималось не как предмет представления, а как предмет опыта.

Я не говорил об *A* ни того, что это обязательно предмет опыта, ни того, что это предмет представления, оставляя его совершенно неопределенным. Поэтому-то я и понял Ваш ответ (10) шире, чем Вы, по-видимому, трактуете его сейчас. Впрочем, правильное было бы понимать *A* как предмет представления, поскольку (в шестой реплике) я использовал выражение «представление этого *A*».

Однако все же в вопросе под *A* недвусмысленно подразумевался предмет опыта.

Я так не нахожу. Быть может, мы двинемся дальше иным путем? Вы согласны с тем, что имеются предметы представлений, возникших минуя аффектацию *Я*?

Да.

Вы согласны, что предметы представлений, возникших минуя аффектацию *Я*, не существуют?

Да.

Из этого следует, что имеются предметы представлений, которые возникли минуя аффектацию *Я*, и которые, таким образом, не существуют. Если же Вы употребляете слово «существуют» в том же смысле, что и выражение «имеются», то получается, что одному и тому же субъекту Вы одновременно и присуждаете и отказываете в одном и том же предикате. Вывод тем не менее верен - поскольку понятие 'предметов представлений, которые возникли минуя аффектацию *Я*' в обеих посылках абсолютно одинаково и таково же оно в выводе. Вы согласны?

Да. Но слово «имеется» здесь используется незаконно.

Тогда найдите для этого другое выражение, которое лучше выражало бы суть вещей.

Не получится. Это другое выражение вновь будет бессильно выразить то, что должно быть выражено.

То есть здесь, по Вашему мнению, мы сталкиваемся с противоречием внутри самих вещей, и в ловушку этого противоречия разум попадает неминуемо, поскольку простой сменой способа выражения от него не избавиться.

Прежде, чем мы откажем чему бы то ни было в существовании, мы должны представить это как существующее, и только потом существование отрицать. Однако, я думаю, что дальше на этом пути мы не продвинемся. Как Вы объясните выражение «имеются (es gibt) люди»?

(Дальнейшее опущено, поскольку здесь, как в доказательстве по кругу, мы снова вернулись к вопросу:)

Как Вы объясните выражение «имеется (es gibt) живое существо»?

Я объясню его так: предложение «*A* не подпадает под понятие 'живое существо'» ложно, - что бы я ни подразумевал под *A*.

Что следует мыслить под *A*?

Значение, которое я придаю *A*, вообще не должно быть сковано никакими ограничениями. Если я пожелаю нечто сказать об этом, это будет лишь нечто самоочевидное, что-то вроде $A = A$.

Ошибка возникает от того, что Вы всегда мыслите под *A* некое сущее и тем самым просто предполагаете это «es gibt».

Я не ограничиваю *A* в том числе и тем, что оно является чем-то сущим, поскольку не считаю бытие чем-то самоочевидным, так что никакого ограничения здесь нет.

Что такое «самоочевидным»?

Я называю самоочевидным высказывание, которое ничего не добавляет в определении того, о чем оно высказывается.

Вам известны лишь высказывания, которые сообщают о чем-то конкретном?

«Бывают высказывания, которые не сообщают ни о чем» означало бы: «Бывают суждения, в которых субъект не отличается от предиката». Как Вы понимаете то, о чем может быть нечто высказано? Как нечто, что может стать субъектом суждения.

«Некоторые люди (есть) немцы» означает то же, что и «имеются немцы». Из предложения «Сакс (есть) человек» следует «Имеются люди» так же, как из предложений «Сакс (есть) человек» и «Сакс (есть) немец» следует: «Некоторые люди (есть) немцы» или «Имеются немцы».

«Некоторые люди (есть) немцы» означает не то же самое, что «Имеются немцы». Из одного предложения «Сакс (есть) человек» Вы не можете заключать «Имеются люди», Вы нуждаетесь для этого еще в предложении «Сакс существует». На это я ответил бы следующим образом: если предложение «Сакс существует» необходимо значит, что «слово 'Сакс' - не пустой звук, оно нечто обозначает», то верно, что условие «Сакс существует» выполняется. Однако это не новая посылка, а естественное условие для

любых наших слов. Правила логики всегда предполагают, что употребляемые слова не пусты, что предложения являются выражениями суждений, что это не просто игра словами. Коль скоро «Сакс (есть) человек» представляет собой действительное суждение, слово 'Сакс' должно нечто означать, и тогда я не нуждаюсь в дополнительных посылках, чтобы заключить «Имеются люди». Посылка «Сакс существует» избыточна, если она призвана означать нечто большее, чем отмеченное выше естественное условие нашего мышления. Можете ли Вы привести пример, чтобы предложение формы «А» есть «В» имело смысл и было истинно, и где А было бы именем чего-то единичного, а утверждение «имеются В» являлось бы ложным? Предложение «Некоторые люди (есть) немцы» можно выразить и так: «Часть людей подпадает под понятие 'немец'». Здесь под «частью» следует понимать не исчезающе малую часть, - но часть, которая содержит индивиды. Если это было бы не так, если не имелось бы людей, которые являются немцами, то можно было бы сказать:

«Ни один человек не есть немец»; но это противоречивая противоположность высказыванию «Некоторые люди (есть) немцы». Следовательно, наоборот, из высказывания «Некоторые люди (есть) немцы» можно вывести «Имеются немцы». «Некоторые люди (есть) немцы» можно так же...

[11. Послесловие Фреге]

Формулировка предмета спора

Мы рассматривали предложения «Этот стол существует» и «Имеется стол». Вопрос состоит в том, заключено ли в слове «существует» принципиально то же содержание, что и в слове «имеется»?

Полагаю, Вы, как и я, не отрицали, что здесь предикаты содержат определенное различие, и что разница не состоит просто в различии субъектов; тем не менее, Вы утверждаете, что значение у этих [предложений] одинаково. Не могли бы Вы пояснить мне, в чем, по Вашему мнению, состоит эта одинаковость, как далеко она простирается и где начинаются различия?

Мы должны договориться о том, как следует понимать частное утвердительное суждение со словом «некоторые». Я считаю, что вообще в логике слово «некоторые» разъясняется добавлением «возможно даже все, но по крайней мере один», так что «некоторые люди - негры» означает «некоторые, возможно даже все, но по крайней мере один человек - негр».

Если мы достигли здесь согласия, значит частное утвердительное суждение типа «некоторые люди - негры» можно преобразовать в суждение «некоторые негры - люди». Внутренний протест против такого преобразования вызван тем, что невольно домысливаешь: «а некоторые негры - не люди». Такая сопутствующая мысль снимается нашим добавлением «возможно даже все».

Вы имели в виду, что выражение «люди существуют» равнозначно выражению «некоторое существующее есть человек». Однако здесь есть одна

загвоздка: в этом выражении - по форме высказывания - предикатом является не существование, а бытие -человеком. Но ведь речь-то должна идти о существовании. Мы могли бы выразиться так: «некоторые люди существуют», в том смысле, что «некоторые, возможно даже все, но по крайней мере один человек существует». И тогда это будет равнозначно выражению «люди существуют».

Я так понял Ваши соображения, что Вы признаете разницу в значении слова «существовать» в предложениях «Лео Сакс существует» и «некоторые люди существуют» подобно тому, как признаете разницу в значении выражения «(есть) немец» в предложениях «Лео Сакс (есть) немец» и «некоторые люди (суть) немцы», так что в первых двух предложениях «существует» так же относится к «существуют», как в двух других «(есть) немец» относится к «(суть) немцы». В обоих примерах я умышленно выбрал одинаковые субъекты- «Лео Сакс» и «некоторые люди», - чтобы показать их соответствие. Я думаю, что в предложении «люди существуют» слово «некоторые» отбрасывается только для того, чтобы избежать упрека: «не все?»

Я надеюсь в дальнейшем верно передать общий план предпринятой Вами компании.

Сначала Вы хотели заставить меня сделать уступку и признать, что «имеются люди» означает то же, что и «среди сущего есть человек» или «часть сущего есть человек» или «некоторое сущее есть человек». Вместо «сущего» Вы употребляли, в качестве равнозначных, выражения «данный в опыте», «существующий», «представления о чем возникают на основании аффектации Я». Я полагаю, что все это лишь несущественные модификации одного и того же. Быть может, они устраняют некоторые второстепенные проблемы, а быть может и добавляют их. Однако главное затруднение остается без изменений, и без изменений остается общая идея Вашей наступательной операции. Тем не менее, в дальнейшем я делаю уступку и соглашаюсь, что выражение 'быть' ('существовать') употребляется в одном и том же смысле - как в предложении «Лео Сакс *есть*» («существует»). И казалось, что партия Вами выиграна.

Пожалуй, я могу признать, что выражение «имеются люди» означает то же, что и выражение «некоторое существующее есть человек», но только при условии, что слово «существовать» свидетельствует о чем-то самоочевидном, то есть, собственно говоря, не обладает никаким содержанием. То же самое относится и к другим выражениям, которые Вы используете вместо этого слова.

Но если предложение «Лео Сакс есть» самоочевидно, то в слове «есть» не может заключаться то же содержание, что и в слове «имеются» из предложения «имеются люди», поскольку здесь не сообщается о чем-то самоочевидном. Если же Вы выражаете предложение «имеются люди» предложениями «люди существуют» или «среди сущего есть некоторый человек», то содержание этих выражений не может заключаться в [словах] «существовать», «сущее» и т.п. И это есть из которого Вы, должно быть, пришли к спорным суждениям, будто содержание в предложениях

«некоторые люди существуют», «некоторое существующее есть человек», или «люди существуют» заключается в слове «существовать». Это не так, поскольку в слове «существовать» заключается лишь форма высказывания, подобно тому как в предложении «небо (есть) синее» форма высказывания заключается в связке «есть». «Существовать» следует понимать в этих предложениях как чистую языковую форму, наподобие «es» в выражении «es regnet» («идет дождь»). Как здесь, чтобы выйти из затруднения, связанного с грамматическим *субъектом*, язык изобретает «es», так и там, чтобы выйти из затруднения, связанного с грамматическим *предикатом*, язык изобретает слово «существовать».

Не обязательно употреблять слово «существовать»; вместо него можно сказать: «быть самотождественным», и это доказывает, что содержание высказывания не заключается в «существовании». «Имеются люди» означает то же, что и «некоторые люди (есть) самотождественны» или «некто самотождественное есть человек». Из предложения «*A* самотождественно» так же нельзя узнать ничего нового об *A*, как и из предложения «*A* существует». Ни одно из этих предложений нельзя отрицать. В обоих на место *A* можно подставить что угодно - они всегда будут истинными. Они не относят *A* к одному из двух классов, чтобы, например, отделить от него *B*, которое этому классу не принадлежит. Когда высказывают предложение «*A* самотождественно», то имеют перед собой лишь одну цель: выразить логический закон идентичности, но никак не узнать побольше об *A*. Если можно утверждать, что в предложениях «этот стол существует» и «столы существуют» слово «существовать» означает одно и то же, то с равным успехом можно сказать, что в предложениях «этот стол самотождественен» и «столы самотождественны» предикаты «самотождественен» и «самотождественный» имеют одинаковый смысл. Правда в этом случае придется признать, что суждения «этот стол существует» и «этот стол самотождественен» абсолютно самоочевидны, и что, таким образом, подлинное содержание здесь не касается собственно стола. Как предложения типа «люди существуют» называются экзистенциальными суждениями, когда полагают, что содержание высказывания заключено в слове «существуют», так и предложение «некоторые люди самотождественны» можно назвать идентификационным суждением, и тогда «имеются люди» будет идентификационным суждением. Вообще, при любой аргументации, которую используют, чтобы в слове «существуют» из предложения «люди существуют» обрести содержание предложения «имеются люди», повсюду «существовать» можно заменить на «быть самотождественным», не рискуя при этом привести новые ошибки. И я охотно это делаю.

Но если содержание суждения «люди существуют» не заключено в слове «существуют», то где же? Я отвечаю: в форме частного суждения. Всякое частное суждение является экзистенциальным суждением, которое может быть переведено в форму с «es gibt (имеется)». Например, «некоторые тела (есть) легкие» - то же самое, что «имеются легкие тела». «Некоторые птицы не могут летать» - то же самое, что «имеются птицы, которые не могут летать» и т.п. Трудность состоит в обратном: перевести суждение с «es gibt» в

частное суждение. Слово «некоторые» вне контекста не имеет никакого смысла; «некоторые» - наподобие таких слов, как «все», «каждый», «никакой» и т.п. - является простой языковой формой, которая в контексте предложения призвана выполнять чисто логическую функцию. Последняя состоит в том, чтобы установить между двумя понятиями некое логическое отношение. В предложении «Некоторые люди - негры» такое отношение устанавливается между понятиями 'человек' и 'негр'. Таким образом, если надо образовать частное суждение, то необходимо иметь два понятия. Например предложение «Имеются летающие рыбы» очень просто преобразовать в предложение «Некоторые рыбы способны летать», поскольку здесь налицо два понятия: 'рыба' и 'способный летать'. Сложнее перевести в форму частного суждения предложение «Имеются люди». Если определить, что человек = разумному живому существу, то можно сказать: «Некоторые живые существа - разумны», и при условии истинности такой дефиниции это предложение эквивалентно предложению «Имеются люди».

Применение такого метода предполагает, что в понятии можно вычленить два признака. Другой метод также тесно связан с этим условием. При необходимости преобразовать предложение «Имеется негр», можно сказать «Негр = негр, который является человеком», поскольку понятие '*негр*' подчинено понятию 'человек'. Здесь опять-таки есть два понятия, и поэтому можно сказать: «Некоторые люди - негры» или же «Некоторые негры люди». Но все это применимо лишь к понятию 'негр'. Для предложения «Имеются березы» следует выбрать другое вышестоящее понятие, например, 'дерево'. Если же надо представить вещи максимально общим образом, то потребуются разыскать такое понятие, которое стоит выше всех других понятии. Это понятие, если иметь в виду, что оно именно таково, обладая неограниченным объемом, не имеет никакого содержания, ведь любое содержание может состоять лишь в известном ограничении объема. В качестве такового может быть выбрано понятие 'самотождественный' - когда речь идет о том, что «Имеются люди» равнозначно «Имеются тождественные сами себе люди», или «Некоторые люди самотождественны», или «Нечто самотождественное есть человек».

Однако язык помогает себе иначе. Для образования понятии без содержания прекрасно подходит связка, т.е. чистая форма высказывания, не обладающая содержанием. В предложении «Небо (есть) синее» выражается, что «есть синее», но подлинное содержание высказывания заключается в слове 'синее'. Если его отбросить, то получится высказывание вообще без содержания: «Небо есть». Таким путем образуется квазипонятие 'сущее', не имеющее содержания, поскольку оно обладает бесконечным объемом. Можно сказать так: человек = сущему человеку; «Имеются люди» то же самое, что «Некоторые люди суть» или «Некоторое сущее есть человек». Следовательно, подлинное содержание высказывания в этом случае заключается не в слове «сущее», но в форме частного суждения. Слово «сущее» является всего лишь порождением затруднении языка в использовании формы частного суждения. И когда философы говорят об «абсолютном бытии», то по сути дела они обожествляют простую связку.

Впрочем, легко увидеть, как к этому приходят. Интуитивно чувствуется, что предложение «Имеется центр тяжести Земли» не самоочевидно, и что, следовательно, у него есть содержание. И когда употребляют оборот «Центр тяжести Земли существует», понятно, как возникает привычка верить, будто содержание находится в слове «существовать». Вот так слову «существовать» придают содержание, не имея возможности указать, в чем же, собственно, оно состоит.

Теперь легко может быть показано, что Пюньер, относя посредством ярийтоу \)/e08o^ содержание высказывания «Люди существуют» к слову «существуют», неминуемо приходит к противоречивым утверждениям. Я легко смог бы его убедить, что отрицание предложения «А дано в опыте», где быть данным в опыте = быть = существовать, - невозможно. Равным образом он был бы вынужден признать, что выражение данности в опыте никак не определяет того, о чем оно высказывается. Тем не менее, он всячески настаивает на наличии содержания в выражении данности в опыте. [По его мнению], что-то ведь должно сообщаться в предложениях «Этот стол дан в опыте» и «Этот стол существует», должно же в них что-то содержаться - помимо ничего не значащих, самоочевидных высказываний. Так Пюньер приходит к противоречию, не считая излишним и само собой разумеющимся отрицание предложения «Этот стол дан в опыте». Он вынужден придать выражению «данный в опыте» хоть какое-то содержание, при этом не избавив его от бессодержательности. Пюньер хотел бы передать содержание суждения «Это дано в опыте» таким образом: «Представление об Этом не есть галлюцинация и не образовано исключительно изнутри моего Я; данное представление образовано в результате аффектации Этим моего Я». На это я должен заметить, что выражения «представление об Этом» и «аффектация Этим моего Я» легально могут быть образованы лишь после того, как вынесено суждение «этому моему представлению нечто соответствует». Если моему представлению ничего не соответствует, то выражение «представление об Этом» не имеет никакого смысла, а в силу этого бессмысленно и все предложение. Пюньер сначала так видоизменил свое объяснение (не признавая, однако, его несостоятельности): «Предмет представления *B* дан в опыте» означает: «Представление *B* образовано на основании аффектации *Я*». Отсюда я смог заключить, что отрицание предложения «Предмет представления *B* дан в опыте» обладает положительным смыслом. Но ранее Пюньер говорил, что отрицание предложения «*A* дано в опыте» невозможно. Теперь же мы вынуждены некоторым образом ограничить это утверждение: если *A* является предметом опыта, то отрицание предложения «*A* дано в опыте» невозможно, но если *A* является предметом представления, то отрицание этого предложения возможно. Как видно, этим примером подтверждается, что невозможно придать предикату «данный в опыте» не самоочевидный смысл и утверждать при этом, что отрицание данности в опыте бессмысленно. Одновременно, мы видим, что понятие данности в опыте получает содержание исключительно посредством того, что ограничивается его объем. По сути дела, все предметы делятся на два класса: предметы опыта и предметы представлений. Не все

предметы второго класса подпадают под понятие 'данный в опыте'. Из этого может быть сделан вывод, что не всякое понятие подчинено понятию данности в опыте, в том числе - понятие 'предмет представления'. Отсюда следует далее, что понятие данности в опыте не всегда пригодно, чтобы привести суждение с «es gibt» к форме партикулярного суждения. Чтобы оправдать выражение «предмет представления» в целом, Пюньер вынужден утверждать, что всякое представление имеет предмет, и что имеются предметы представлений, которые образованы не на основании аффектации Я. Если при этом мы обратимся к его же собственной дефиниции предложения с «es gibt», то неминуемо придем к противоречию. В самом деле, в соответствии с этой дефиницией суждение «имеются предметы представлений, которые образованы не на основании аффектации Я» равнозначно суждению «среди данного в опыте есть что-то, что подпадает под понятие 'предмет представления, который образован не на основании аффектации Я'». Однако, в соответствии с разъяснениями Пюньера, предметы представлений, которые образованы не на основании аффектации Я, не даны в опыте; а следовательно, мы приходим к предложению «Среди данного в опыте есть что-то, что не дано в опыте».

Можно сказать и так: из двух посылок

1. Имеются предметы представлений, которые образованы не на основании аффектации Я;

2. Предметы представлений, которые образованы не на основании аффектации Я, не даны в опыте;

следует вывод:

Имеются такие предметы представлений, которые не даны в опыте. Это будет противоречием, коль скоро допускают, что с помощью «es gibt» выражается тот же вид существования, что должен содержаться в словосочетании «данный в опыте».

Вообще можно констатировать следующее:

Если поставить перед собой цель сохранить за словом «бытие» какое-либо содержание, то, чтобы предложение «А есть» оказалось значимо и не самоочевидно, следует прибавить, что отрицание предложения «А есть» возможно в зависимости от обстоятельств, т.е. что имеются субъекты [высказываний], которым должно быть отказано в бытии. Но тогда понятие 'бытие' более не может служить для интерпретации выражения «es gibt» в том смысле, что [выражение] «имеются В» равнозначно [выражению] «некоторое сущее подпадает под понятие 'В'», поскольку интерпретируя предложение «Имеются субъекты, которым должно быть отказано в бытии» таким образом, мы получим [вот что]: «Некоторое сущее подпадает под понятие не-сущего» или же «Некоторое сущее не есть». И поскольку во что бы то ни стало хотят придать понятию сущего содержание, постольку этого [противоречия] не избежать. Ведь необходимо как раз следующее: если [выражению] «имеются В» равнозначно [выражению] «некоторое сущее есть В», то должно быть верным, что под бытием понимается нечто совершенно самоочевидное.

По той же причине противоречие не исчезает и в том случае, когда говорят, что «*A* существует» означает «Представление об *A* возникло на основании аффектации Я». К тому же здесь добавляются новые трудности, и на некоторых из них я хотел бы остановиться.

Когда Лавверье ставил вопрос о том, имеется ли планета, расположенная за орбитой Урана, он не спрашивал, возникло ли или возникнет его представление о планете, расположенной за орбитой Урана, на основании аффектации Я. Когда спорят, имеется ли Бог, спорят не о том, возникло ли или возникнет наше представление о Боге на основании аффектации Я. Многие, кто верит, что Бог есть, могут оспаривать, что их представление о нем возникло на основании непосредственной аффектации Богом их Я, и здесь под вопросом может быть только непосредственная аффектация. Впрочем, это не так важно. Итог таков:

Можно сказать, что значения слова «существовать» в предложениях «Лео Сакс существует» и «Некоторые люди существуют» разнятся не больше, чем [значения выражения] «быть немцем» в предложениях «Лео Сакс (есть) немец» и «Некоторые люди (суть) немцы». Но предложение «Некоторые люди существуют» или «Некоторое существующее есть человек» равнозначно с предложением «Имеются люди» только в том случае, если понятие 'существующее' шире понятия 'человек'. Таким образом, если эти выражения должны быть совершенно равнозначными, то понятие 'существующее' должно быть шире вообще любого понятия. А это возможно только в том случае, если слово «существовать» означает нечто вполне самоочевидное, если, следовательно, в предложении «Лео Сакс существует» ровным счетом ничего не высказывается, и если в предложении «Некоторые люди существуют» содержание высказывания заключено не в слове «существовать». Выраженное посредством «es gibt» существование содержится не в слове «существовать», но в форме частного суждения. «Некоторые люди (суть) немцы» в той же мере является экзистенциальным суждением, что и «Некоторые люди существуют». Однако коль скоро слову «существовать» придают содержание, которое относится к чему-то единичному, содержание это способно стать признаком какого-либо понятия, под которое подпадает то единичное, о существовании которого делается высказывание. Если, например, все разделить на два класса:

1. То, что есть в моем духе: представления, чувства etc.

2. То, что есть вне меня,

и о последнем сказать, что оно существует, то признаком понятия 'кентавр' можно считать существование, хотя кентавров и не имеется. То, что есть не вовне моего духа, я не стал бы принимать за кентавра, т. е. я не стал бы называть кентавром голые представления и чувства внутри меня.

Выраженное посредством «es gibt» существование не может быть признаком понятия, чьим качеством оно само является, и именно постольку, поскольку является его качеством. Кажется, что в предложении «Имеются люди» говорится об индивидах, которые подпадают под понятие 'человек', в то время как речь идет только о понятии 'человек'. Содержание слова «существовать» не может быть признаком никакого понятия, поскольку

слово «существовать» в том смысле, как оно употребляется в предложении «Люди существуют», не имеет никакого содержания.

Отсюда видно, насколько легко язык становится пособником в возникновении заблуждений, и значит, насколько важно для философии лишить язык его господства. Когда пытаются воздвигнуть на совершенно иных основаниях и совершенно иными средствами определенную знаковую систему - как пытался это сделать я, замыслив свои «Begriffsschrift», - то, так сказать, нос к носу сталкиваются с ложными аналогиями в языке.

Top of Form

Библиотека	▼
------------	---

Bottom of Form